

Военная проза для женщин:
анализ беллетристики массовых журналов
1914–1916 годов

Тема войны никогда не входила в круг женских литературных предпочтений, поэтому с началом Первой мировой войны писательницы столкнулись с особыми трудностями. Мюргит (В.А. Попова) иронизировала: «Мужчинам еще полгоря, так как война, в сущности, их родная стихия, но положение пишущих дам поистине ужасное. Бьются они с пером в руках над массой неразрешимых вопросов, вроде, например, следующих: чем командует капитан — корпусом или траншеей?

Или: что меряют у пушки сантиметром — бока или талию?» [Мюргит, 1914, с. 32–33].

Женские журналы стремились подавать тему войны в доступном для читательниц виде. При этом пол автора произведения в данном случае не является определяющим, значение имеет пол читателя, на которого ориентируется периодика. Чтобы выявить специфику военных рассказов, публиковавшихся в женских журналах, необходимо сопоставить их с рассказами из так называемых «общих» журналов.

Журналы «Новая всемирная иллюстрация», «Родина», «Весь мир», «Всемирная панорама», «Новый журнал для всех» были ориентированы на семейное чтение. Для публикуемых здесь военных рассказов характерно изображение сражений, положения на фронте, походной солдатской жизни. Поэтому их можно назвать *фронтовыми*. Повседневная жизнь протекает за пределами рассказа. Хотя часто изображается уход на войну или встреча военных с мирными жителями, но в целом в беллетристике «общих» журналов война трактуется как особый образ жизни, особый мироуклад. Типичными локусами в этих рассказах являются места, непосредственно связанные с войной: разведка, госпиталь, бой (сухопутный, морской, но чаще всего встречающийся — воздушный, ведь массовая беллетристика любит изображать все новое, актуальное, современное, она показывает последние достижения техники).

Главным героем обычно является военный. Но, несмотря на то что самым важным делом персонажа является его участие в войне, в малой военной прозе он показан прежде всего как обычный человек с простыми мыслями, чувствами, поступками: «Литература сосредоточила внимание именно на человеческом в своем герое, а не на том, как он владеет ружьем» [Иванов, 2005, с. 213]. Можно сказать, что военные рассказы Первой мировой войны в большинстве своем следуют антиэпической традиции, сформированной в военных рассказах Л.Н. Толстого и В.М. Гаршина: «Для русской военной прозы характерно, что батальные сцены в ней уходят, как правило, на второй план, ибо писателей в основном волнует внутренний мир солдата и офицера» [Свиясов, 1989, с. 4].

В незамысловатых сюжетах писатели пытаются четко расставить акценты. Одним из наиболее простых вариантов является противопоставление русского (или союзного) солдата и подлого/коварного врага-немца. Более сложная антитеза выстраивается автором, сопоставля-

ющим и противопоставляющим двух главных героев-друзей. Часто героем военного рассказа становится «маленький» человек. Старый/слабый, на первый взгляд не способный на решительные действия персонаж совершает героический поступок, оказывает русскому войску неоценимую помощь [Северцев-Полилов, 1915; Лехно, 1914; Муйжель, 1915; Цензор, 1915].

Т.Н. Фоминых установила, что «следует различать эпопею как жанр и эпическую жанровую тенденцию, прокладывающую дорогу в разных жанровых образованиях» [Фоминых, 1984, с. 175]. Поэтому можно утверждать, что, несмотря на традицию изображения личного, индивидуального в герое, часто писатели под влиянием патриотического подъема первых дней войны наделяют своего персонажа чертами эпического героя (особым героизмом, пренебрежением личным во имя государственного). С началом войны герой понимает, что он может принести благо Отечеству, которое для него становится важнее личного счастья. Пожертвовав любовью, семьей, делом в мирной жизни, герой идет на войну: «С восторгом поехал Сергей на войну. Даже любовь к невесте не могла поколебать рвущегося вперед желания» [Брешко-Брешковский, 1915, с. 4.]; «Разве я смогу бездействуя допустить, чтобы другой кто-нибудь погиб за меня, за нас всех, когда я сам могу погибнуть за него и за всех?» [Григорьева, 1915, с. 55]. Однако всегда подчеркивается важность чувства любви для героя, оно является важнейшей составляющей его переживаний на войне.

Военной прозе «общих» журналов свойственна гендерная неравноправность героев одного уровня (русских или союзников): герой-мужчина всегда идеализирован, показан в положительном ракурсе, героиня-женщина может быть как положительным, так и отрицательным персонажем. Часто противопоставляются альтруизм и самопожертвование героя, добровольно идущего на войну, и эгоизм героини, пытающейся удержать его. Женщина показана как слабое существо, демонстрирующее не лучшие свои качества: ревность [Первухин, 1915], склонность к измене [Муквоз, 1914], легкомыслие [Писарева, 1915]. Очень редко в «общих» журналах женский персонаж повторяет нравственный путь мужского, осознает необходимость своего участия в войне, свой гражданский долг [Аронсон 1, 1914]. В беллетристике некоторых журналов («Нива») женские персонажи практически полностью отсутствуют.

Война заставляет героев по-новому взглянуть на отношения, понять, какое место в их жизни на самом деле занимает тот или иной человек. Только когда герой уходит на фронт, героиня обнаруживает в себе глубочайшее чувство привязанности к нему [Тришатов, 1915; Григорьева, 1915; Сологуб, 1916]. Да и сам герой осознает свою любовь в момент ее потери: «Война облагораживает, возвышает душу; глубже чувствуешь то, на что прежде не обратил бы особого внимания» [Чарская, 1915, с. 118]. Так война выполняет еще одну функцию в сюжете: под ее влиянием совершается нравственный перелом в душе героев.

Необходимо отметить, что патетическое отношение к войне характерно для беллетристики 1914 — первой половины 1915 г.; литература, появившаяся в последние годы войны, в 1920-е годы и позднее, вскрывает всю грязь этой войны, низости людей военного периода, иронизирует над «героями» начала войны. Так, например, Гумилевский, в начале войны создававший идеализированные образы сестер милосердия, в рассказе «Жертва долга» 1916 г. иронически описывает Риточку, которая от скуки пошла работать сестрой в лазарет, где не допускалась даже к простой перевязке, а потом нелепым образом получила заражение крови и умерла, став «жертвой долга» [Гумилевский, 1991].

В женской военной прозе чаще, чем в прозе «общих» журналов, встречаются такие исповедальные жанры, как дневник, письмо и т. п. Журналы «Женское дело», «Журнал для

хозяек», «Женская жизнь», «Мир женщины» публикуют военные рассказы особого рода, которые логичнее было бы назвать *тыловыми*. События чаще всего разворачиваются в тылу, война выступает фоном для происходящего в произведении, не становясь предметом изображения¹. В беллетристике женских журналов изображается частная повседневная жизнь обычных людей, в которую внезапно врывается война, меняет ее, но не разрушает традиционный уклад, а встраивается в него.

Патриотические настроения, царящие на страницах массовых еженедельников, заставляют писателей делить персонажей на «своих» и «чужих». То же мы видим и в женских журналах. Так, происходит четкое разделение на положительных и отрицательных героев, обычно по национальному признаку. Ситуация становится наиболее драматичной, когда такая граница проходит внутри одной семьи. Муж-немец и жена-русская живут душа в душу, пока не наступает война и не ставит их в позиции противников. Такая исходная ситуация встречалась и в рассказах «общих» массовых журналов. Например, в рассказе Л. Аронсон «Шквал» героиня-русская после начала войны не соглашается ехать с мужем-немцем на выселение в Вологду и собирается поступить в сестры милосердия [Аронсон 2, 1914]. Муж кончает жизнь самоубийством. В женских журналах подобная ситуация встречается чаще, правда, в том виде, в каком его описал Бен Хеллман: «По сквозной фабуле главная героиня, часто добродетельная барышня из хорошей семьи, слепо влюблена в красивого и корректного немца, живущего в России, но во время войны ей открывается настоящее лицо жениха» [Хеллман, 1999, с. 311]. Финский исследователь пишет о частотности такого мотива в военных произведениях Л. Чарской, О. Бебутовой, Н. Брешко-Брешковского. Стоит отметить, что мотив «разоблачения» немца характерен и для произведений Екатерины Эк [Эк 1, 1914; Эк 2, 1914; Эк 4, 1915].

Стремление массовой беллетристики четко расставлять акценты приводит к исчерпанности моделей поведения женских персонажей, мы можем выделить две: эгоизм и самопожертвование, которые иногда противопоставляются в рамках одного рассказа [Б.а., 1915].

Гендерная неравноправность героев, характерная для «общих» журналов, в женских изданиях отсутствует либо поворачивается обратной стороной. Обычно героиня-женщина так же, как и мужской персонаж, идет на войну. Более того, героиня может быть противопоставлена герою, не участвующему в войне. Герой-рассказчик одного из подобных рассказов вспоминает о своей невесте, ставшей сестрой милосердия: «Она ни за что не хотела выйти замуж за человека, который так безучастно, как я, относится к судьбам родины. По ее мнению, я должен был в начале же войны смахнуть с себя штатское платье, облачиться в солдатскую шинель и форсированным маршем отправиться в окопы» [Устинов, 1916, с. 27].

Сестра милосердия, пример самопожертвования и сострадания, традиционно ожидаемых от женщины в патриархальном обществе, — типичный положительный персонаж в женском военном рассказе: «Образ сестры милосердия, изначально позитивно окрашенный, активно использовался российской прессой для поднятия патриотического духа и антигерманской пропаганды» [Сестры милосердия России, 2005, с. 245].

Сестры милосердия присутствовали на военных фронтах России со времен Крымской войны 1853–1856 гг., еще писатели XIX века запечатлели этот образ (Л.Н. Толстой «Севастопольские рассказы», К.М. Станюкович «Севастопольский мальчик» и др.). Правда, сначала такие героини изображались этнографически, с точки зрения рассказчика-мужчины. В Русско-турецкую войну 1877–1878 гг. сестра милосердия становится главной героиней некоторых произведений (В.В. Немирович-Данченко «Сестра Васильева», В.В. Верещагин «Литератор», В.А. Тихо-

нов «Сестра милосердия» и др.). Здесь дается психологическая трактовка образа, изображение внутреннего мира героини, ее чувств и мыслей, ее рефлексия по поводу работы в госпитале.

В войну 1914–1918 гг. создалась особая ситуация: «Если история предшествующих войн четко делилась на чисто мужской опыт на поле брани и опыт женщин, дождавшихся мужчин в тылу, то тотальная Первая мировая война разрушила эту гендерную оппозицию» [Щербинин, 2004, с. 388]. «Тотальный характер Первой мировой войны 1914–1918 гг. увлек массу россиянок к оказанию помощи больным и раненым воинам, вызывая широкие общественные инициативы и стремление личного участия в “священной битве” с неприятелем» [Щербинин, 2004, с. 395]. Типичность ситуации порождает ее повторяемость в массовой литературе. Таким образом, часто встречающийся в литературе Первой мировой войны образ сестры милосердия отражает изменение положения женщины в обществе, ее социальную активность в эту войну.

Особый «женский» военный опыт становится излюбленным предметом изображения в женских журналах. Главной героиней становится сестра милосердия, дается ее точка зрения, показывается ее внутренний мир. Изображаются ключевые моменты деятельности сестры милосердия. Значимым является переворот в сознании, когда обычная женщина решает стать сестрой милосердия. Бесконечно длятся бесцветные, скучные дни жизни героини, душа которой жаждет подвига. Начавшаяся война будоражит героиню, она обретает цель, смысл жизни, становясь сестрой милосердия [Гумилевский 2, 1915]. Здесь, как правило, возникает антитеза *мир до войны — война*. Собственная довоенная жизнь осознается как не имевшая ценности: «Мгновенно встала перед ней вся ее маленькая, простенькая, серенькая жизнь и показалась ей бесконечно ничтожной, пустой и бесценной, от которой хотелось уйти, которую хотелось забыть и изломать» [Гумилевский 1, 1915, с. 48]. Только забота о раненых позволяет героине самореализоваться в условиях войны [Волжанин, 1914].

Мотив принятия женщиной решения пойти на войну повторяет соответствующий мужской поступок в рассказах «общих» журналов. Сюжет о сестре милосердия возникает как параллель подобному сюжету о военном. Обычно выбор героини определяется выбором близкого ей мужчины: женщина идет в сестры милосердия, следуя примеру мужа/брата, отправившегося на фронт² [Дроздов, 1914; Кряжева, 1915]. Прямо противоположным вариантом «обращения» в сестры становится собственное решение, воплотить которое можно только через борьбу с внешним миром, через отвержение существующих запретов: героиня преодолевает сопротивление своих родных, в том числе власть мужа [Гусев-Оренбургский, 1915], жертвует самым дорогим ради осуществления своего решения. Война — это яркий проблеск в жизни, позволяющий вырваться из мешанского болота, в котором тонут главные герои рассказа [X. 1, 1914]. Она наполняет жизнь героини смыслом. В таком ракурсе тема войны никогда не подается в описании мужских персонажей. Именно женщине война дает дело в жизни, предоставляет возможность доказать свою нужность, проявить нераскрытые ранее черты характера (мужчинам все это удавалось и в мирной жизни): «Первый раз в жизни представился случай доказать, что я заслуживаю любви и уважения, что я чего-нибудь стою, что я человек, а не гаремная кукла» [Галина, 1914].

Часто основным в сюжете о сестре милосердия является мотив чудесной встречи в лазарете. Это может быть встреча как со своим любимым, так и с незнакомым человеком, сообщаящим ей важную информацию (например, о гибели мужа [X. 2, 1914]), или с врагом [Эк 4, 1915]. Но, несмотря на чудесность совпадения, сама встреча может и не принести радости. Так, главная

героиня рассказа И-р «Сестра Наталья», встретившая в лазарете бывшего мужа и жаждущая выйти из него, понимает, что он в бреду принимает ее за свою новую жену [И-р, 1914]. Характерно, что многие появившиеся в массовой военной прозе мотивы впоследствии осваиваются «большой» литературой, например мотив встречи сестры милосердия со своим мужем в госпитале повторяется в «Хождении по мукам» А.Н. Толстого и в «Докторе Живаго» Б.Л. Пастернака.

Военная проза женских журналов больше сосредоточена, по сравнению с «общими» журналами, на описании внутреннего мира героини. Одним из часто повторяющихся моментов в нравственном развитии сестры милосердия становится преодоление ею личных чувств во имя любви и сострадания ко всем раненым: «В ее измученной душе уже не было места для личного счастья. Страдание ее превратилось в радость для других людей, и яркие цветы милосердия выросли на политой слезами почве» [И-р, 1914, с. 4]. Обычно это бывает сопряжено с потерей близкого человека [Б.а., 1914]. Вообще, страдание служит раскрытию женщины, выходу ее из своей тесной жизни и приобретению умения понимать других людей (обычно женщин), с которыми ее объединило общее горе войны [Эк 3, 1915; Кряжева, 1915].

Итак, проанализировав военную прозу, можно сделать следующие выводы. Для «общих» журналов типичны *фронтовые* рассказы, в которых изображаются сражения, походная солдатская жизнь, описывается положение на фронте. В женских журналах чаще встречаются *тыловые* рассказы, в которых война проходит на заднем плане, военная жизнь в них не изображается. Главным героем в военной прозе, опубликованной в «общих» журналах, обычно является военный, в военных рассказах женских журналов преобладают женские персонажи. Для всех положительных героев военной массовой беллетристики общее дело участия в войне важнее личного счастья, для женских персонажей это даже трактуется как смысл жизни. Существует две основные модели поведения женских персонажей: эгоизм и самопожертвование, из которых первая чаще присутствует в «общих» журналах, а вторая, воплощенная в сестре милосердия, является типичной для прозы женских изданий.

¹ Справедливости ради нужно сказать, что и здесь есть исключения: военные рассказы с изображением боя [С. Ф., 1914; Галина, 1916].

² Такие поступки основаны на реальных фактах: многие женщины шли в сестры милосердия, чтобы быть ближе к мужьям — врачам в действующей армии (например, жена М.А. Булгакова Т.Н. Лаппа, Христина Семина [Семина, 1963, с. 15]).

Список литературы

- Аронсон 1* — Аронсон Л. В подвале: (Отрывки из дневника) // *Весь мир*. 1914. № 51.
Аронсон 2 — Аронсон Л. Шквал // *Весь мир*. 1914. № 36.
Б.а. Сестра: Новелла // *Мир женщины*. 1914. № 24.
Б.а. Сестры // *Журнал для хозяек*. 1915. № 18.
Брешко-Брешковский Н. «Гусар смерти»: (Эпизод из русско-германской войны) // *Всемирная панорама*. 1915. № 305 (8).
Волжанин О. Жизни коснулась: Рассказ // *Журнал для хозяек*. 1914. № 19.
Галина А. «Долг»: Рассказ: (Женские силуэты) // *Журнал для хозяек*. 1914. № 17.
Галина А. Этого не было (Памяти 2-го батальона, из дневника офицерской <жены>) // *Журнал для хозяек*. 1916. № 2.